

УДК 82

КТО УБИЛ ФЁДОРА КАРАМАЗОВА? ВЕРСИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

© 2011 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

olsios@mail.ru

Поступила в редакцию 20.04.2011

Рассматривается рассказ «Смерть русского помещика», где герой – Шерлок Холмс – предполагает, что в романе Достоевского убийцей старшего Карамазова мог быть Алёша. Обосновывается вывод, что хотя такая версия может рассматриваться лишь как литературная игра с читателем, а не серьёзное истолкование романа Ф.М. Достоевского, но всё же автор рассказа затронул важнейшую проблему, связанную с характером Алёши и его судьбой.

Ключевые слова: литературная мистификация, убийство старшего Карамазова, Алёша Карамазов, идея Раскольникова, идея великого инквизитора, продолжение «Братьев Карамазовых».

Рассказ «Смерть русского помещика», посвящённый расследованию убийства старшего Карамазова, появился в начале 1990-х годов в газете «Книжное обозрение» в качестве не изданного ранее в России произведения А. Конан Дойла в переводе С. Борисова. С тех пор он приписывался А. Конан Дойлу: «Невежество и торопливость наших издателей сделали свое дело – во многих антологиях и сборниках этот рассказ утвердился как и впрямь сочиненный Дойлом» [1]. В действительности же это результат литературной мистификации, и автором стилизации под Конан Дойла является московский журналист Сергей Юрьевич Борисов, который «стыдливо обозначил себя в качестве переводчика» [2], когда «Книжное обозрение» опубликовало рассказ и устроило конкурс, «задав читателям вопрос: отчего данное произведение так долго не могло увидеть свет?» [3]. Таким образом, мы имеем дело с произведением не английской, а русской литературы.

По сюжету рассказа доктор Уотсон читает роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», а Шерлок Холмс доказывает ему, что великий русский романист не слишком чётко выстроил детективную сторону своего произведения, поэтому внимательному читателю до конца так и неясно, кто же в действительности убил Фёдора Павловича Карамазова. С точки зрения Холмса, общепринятая версия – считать убийцей Смердякова – неверна по той причине, что лакей не проявил «преступной осведомлённости»: он, рассказывая Ивану о преступлении, говорит, будто ударил старика острым углом пресс-папье, тогда как на суде в качестве орудия убийства фигурирует пестик с округлыми краями. Что касается Дмитрия, то в диалоге Уотсона и

Холмса отмечено, что у него есть алиби, подтверждённое не кем иным, как автором романа. Возможной, по мнению сыщика, является виновность Ивана, который практически прямо подходил к идее убийства. Однако Шерлок Холмс сомневается и в этой версии: считает, что ненависть Ивана к отцу достаточно ярко реализовалась в разговорах и этого было достаточно для такого человека – сам по себе поступок (убийство) ему не был нужен. По логике получается, что самым вероятным подозреваемым является единственный, кроме уже названных, человек, у которого был мотив для убийства – наследство. И этот подозреваемый – Алёша Карамазов.

Заметим, не случайно на страницах рассказа Шерлок Холмс откровенно признаёт, что ничего не понимает в литературе, а смотрит на сюжет романа только с точки зрения криминалистики. Действительно, для человека, хоть что-то понимающего в литературе и в творчестве Достоевского, в частности, аргументы сыщика будут не столь значительны. По крайней мере, на первый взгляд. Что касается пестика, который в рассказе Смердякова трансформируется в пресс-папье, то любой исследователь творчества Ф.М. Достоевского подтвердит, что тот нередко допускал подобные несоответствия в текстах своих произведений. Для классика можно найти и «смягчающее обстоятельство»: он никак не мог предположить, что его роман прочитает профессиональный сыщик, да ещё такого уровня, как Шерлок Холмс. Кстати, подобного же рода неточность допускает на страницах рассказа «Смерть русского помещика» и сам великий сыщик: называет Ивана старшим из братьев Карамазовых, а Дмитрия – средним.

Рассуждения о психологии Ивана (о том, что он мог совершить преступление в собственном воображении, но не в реальности) не лишены оснований, но, говоря юридическим языком, не могут быть «доказательственной базой». Кроме того, для Достоевского гораздо важнее вина Ивана с нравственной точки зрения, чем с юридической (точно так же и для самого Ивана, и для Алёши). Версия виновности Алёши Карамазова в убийстве отца вообще может показаться кощунственной, поскольку образ Алёши задумывался автором как воплощение его взгляда на истинное христианство, бескорыстную любовь к ближнему – этот герой становится активным носителем идеи добра, что концептуально для Достоевского. Об этой сути образа Алёши очень выразительно написал В.В. Розанов: «В нём мы уже предчувствуем нравственного реформатора, учителя и пророка <...> Если бы мы захотели искать к нему аналогии, мы нашли бы её не в литературе, но в живописи нашей. Это – фигура Иисуса в известной картине Иванова: также далёкая, но уже идущая. Пока незаметная среди других, ближе стоящих лиц, и, однако, уже центральная и господствующая над ними» [4, с. 79].

Не случайно и в рассказе «Смерть русского помещика» Уотсон сначала очень эмоционально выражает неприятие обвинений в адрес Алёши и при этом опирается на «характеристику личности подозреваемого»: такой добрый и кроткий человек не мог совершить убийство отца, тем более из «корыстных побуждений».

Однако с версией Шерлока Холмса не всё так просто: он предполагает, что если Алёша совершил преступление, то не ради наследства – оно было для героя лишь средством, а не конечной целью: *Эти деньги он сможет потратить на претворение в жизнь заповедей отца Зосимы, например, заняться воспитанием и оплатить учёбу того же Илюшеньки, семья которого влачит полунищенское существование, Коли Красоткина, Смурова, тех мальчиков, в которых он, да и Достоевский, видит будущее России* [5, с. 278]. В рассказе Шерлок Холмс предполагает, что Фёдор Павлович Карамазов воспринимался Алёшей как воплощение зла (вероятно, под влиянием рассуждений Ивана), поэтому убийство отца понималось младшим сыном как акт возмездия, который к тому же мог принести и конкретную пользу: деньги, необходимые для благого дела.

Сразу заметим: конечно, такое объяснение, основанное исключительно на соображении «*сui prodest?*», не адекватно идее Ф.М. Достоевского. Способность совершить рационально

рассчитанное убийство отца и хладнокровно наблюдать, как в этом обвиняют брата, – всё это никак не вытекает из логики развития характера Алёши Карамазова. Подобное объяснение преступления допустимо в качестве мистификации, литературной шутки или иронически задуманной игры с читателем, но никак не в качестве серьёзной трактовки романа «Братья Карамазовы» (на которую, собственно, С. Борисов совершенно и не претендовал, судя по его предисловию-комментариям к рассказу [3]). Однако при всём этом автор мистификации всё же вышел на одну из важнейших философских проблем, на вопрос, серьёзнейшим образом занимавший Ф.М. Достоевского: **можно ли достичь добра, если прибегнуть к помощи зла?**

В романе «Преступление и наказание» эпизодические герои – офицер и студент – рассуждают о том, что была бы некая высшая справедливость в том, чтобы убить и ограбить злого и ничтожного, но весьма состоятельного человека, а полученные средства использовать на благие дела. Слыша этот разговор, Раскольников узнаёт «почти свои мысли», правда, изложенные упрощённо, прямолинейно и плоско. Его собственная идея состоит в том, что лишь *власть над всею дрожащею тварью и над всем муравейником* [6, с. 313] поможет изменить общество к лучшему, а чтобы достичь такой власти и привести человечество к благополучию, нужно быть личностью наполеоновского типа. Именно поэтому первым шагом на пути к цели становится испытание собственного характера – убийство процентщицы, и жизнь этого ничтожного, вредного человека, по мнению Раскольникова, не слишком большая цена за будущее счастье общества. В разговоре с Сонечкой главный герой пытается убедить её, что иногда просто нет иного выхода, как пожертвовать одним человеком ради блага других: *Лужину ли жить и делать мерзости или умирать Катерине Ивановне?* [6, с. 388].

С точки зрения Раскольникова, вопрос этот имеет логическое решение: можно пожертвовать плохим человеком ради хороших людей – это будет **«кровь по совести»**. Главный герой убеждён, что вполне **можно достичь доброй цели с помощью антигуманных средств**. Более того, **только так и можно** – настолько извращённо устроен мир, по его мнению. Автор же, показав идею Раскольникова со всей эмоциональной выразительностью и логической выверенностью, тем не менее спорит с ней, используя внушительный арсенал художествен-

ных средств: построение сюжета, сны героя, двойничество, антитезу и т.д.

В романе «Братья Карамазовы» **мысль о пути к добру через зло** получает ещё более глубокое и масштабное философское обоснование, чем теория Раскольникова. Наиболее чётко и полно выражается эта идея в «Легенде о великом инквизиторе». Герой «поэмы» Ивана Карамазова, столь упорно и столь по-своему любящий человечество [7, с. 239], полагает, что человек на земле жаждет прежде всего хлеба, кроме того, ему необходимо кому-то «вручить совесть» и соединиться с другими людьми во «всеобщий и согласный муравейник» под властью единого правителя. Это ведёт великого инквизитора к мысли о том, что существует единственный путь к счастью миллионов, многочисленных, как песок морской [7, с. 231]: избавить их от свободы, взять в свои руки абсолютную власть над человеческим «муравейником», поработив людей силой «хлеба земного» и завладев их духом с помощью «чуда, тайны и авторитета». Великий инквизитор, таким образом, отказывается от христианских принципов и фактически принимает три искушения, отвергнутые Христом. На такой основе создаётся государство, в котором организована спокойная, устойчивая жизнь миллионов людей. **Существование этого государства обеспечивается ложью и насилием.** Кардинал откровенно говорит Пленнику, что обманывает обывателей, убеждая их в том, что они живут в христианской системе ценностей: *Мы обманем их <...> ибо тебя мы уж не пустим к себе* [7, с. 231]. Кроме того, ему приходится применять и более грубое насилие (согласимся с мнением русского философа И. Ильина, что ложь тоже вид насилия, только морального, а не физического): он сотнями сжигает еретиков, то есть своего рода инакомыслящих, так как любая свобода мысли губительна для тоталитарного государства.

Великий инквизитор, как и его литературный предшественник Раскольников, видит в человеческой природе прежде всего слабость. Но при этом и тот, и другой не ограничиваются презрением к человеку, а стремятся ему помочь, устроить его жизнь максимально благополучно. Логика их состоит в том, что если обычный человек не способен сам решительно изменить жизнь в лучшую сторону, то нужно это сделать за него: взять в руки власть «над всем муравейником» и **привести его к счастью насильственно, причём устраняя на этом пути любое препятствие, пусть даже таковым будет христианская мораль или человеческая жизнь.** И эта логика основана на том, что «мо-

ральный расход не превысит дохода» [8, с. 33]. И в «Преступлении и наказании», и в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевский с помощью разнообразных художественных средств (об этом речь ведётся во многих литературоведческих исследованиях [9; 10; 11]) дискредитирует вышеизложенную идею. Тем не менее он, будучи «реалистом в высшем смысле», не снимает серьёзности проблемы и показывает, что эта ложная мысль – порождение «эвклидовского» разума, отравленного безверием и отчаянием, в сочетании с любовью к человеку – может быть исключительно соблазнительной. Не случайно в творческих замыслах Достоевского было такое продолжение «Братьев Карамазовых», в котором **соблазн этой идеи должен был испытать на себе даже его идеальный герой – Алёша Карамазов.** «Он (Достоевский. – О.С.) хотел его (Алёшу – О.С.) провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером» – так излагал замысел Достоевского А.С. Суворин [12, с. 16]. И. Волгин приводит и другое свидетельство о подобных мыслях писателя, напечатанное в 1880 году в одной из газет: «Алексей делается со временем сельским учителем и под влиянием каких-то особых психических процессов, совершающихся в его душе, он доходит даже до идеи о цареубийстве» [13, с. 23]. По мнению И. Волгина, с этим связан и смысл эпитафии к «Братьям Карамазовым»: Алёша и есть, собственно, то зерно, которое, именно погибнув, даст духовные плоды, то есть самой своей трагической судьбой докажет бесперспективность идеи достижения благой цели с помощью насилия.

Позицию И. Волгина, в свою очередь, оспаривает С.В. Белов, который полагает, что дневниковой записи А. Суворина нельзя доверять: он мог неверно понять слова Достоевского, мог принять «за чистую монету» шутку писателя, мистификацию. При этом С.В. Белов свою уверенность в том, что Достоевский не мог задумать для Алёши путь цареубийцы, мотивирует практически в духе доктора Уотсона из рассказа «Смерть русского помещика». Помощник и друг Шерлока Холмса восклицает: *Но это невозможно! <...> Алёша – средоточие всего лучшего, что есть в людях* [5, с. 276]. С.В. Белов пишет: «Но разве мог Алёша, который пережил такой момент после смерти своего друга и учителя, когда «душа его» вся трепетала «соприкасаясь мирам иным», стать революционером, да еще цареубийцей?!» [14]. Такое рито-

рическое восклицание проистекает, судя по всему, из убеждения, что стать революционером – это, безусловно, плохо и не по-христиански, а Алёша, точно так же безусловно, хороший человек и христианин. Если бы всё было так просто и однозначно для Достоевского... Это уже был бы не Достоевский. Для его философии как раз очень характерна сложнейшая диалектика добра и зла, исследование тончайших переплетений и взаимопроникновений разных, порой противоположных идей и начал человеческой природы.

Автор книги «Расшифрованный Достоевский», Б. Соколов, приводит (как и С.В. Белов) свидетельство А.Г. Достоевской, по словам которой, Алёша в продолжении романа «после бурного периода заблуждений, сомнений и отрицаний» [15, с. 500] пришёл бы вновь к жизни в монастыре и к призванию учить и воспитывать детей. На первый взгляд, это полностью противоречит тому, что он мог стать цареубийцей или даже думать о таком пути. Но ведь и в свидетельстве А.Г. Достоевской говорится о «заблуждениях, сомнениях и отрицаниях», правда, без конкретики. Б. Соколов также анализирует приведённую выше цитату из газетной статьи 1880 года и предполагает: дойти до идеи о цареубийстве – это не то же самое, что действительно его совершить, и можно сделать вывод, что Алёша всё же духовно преодолел бы соблазн этой идеи [15].

Однако в любом случае имеет значение уже сам тот факт, что мысль преступить один из важнейших христианских законов – причём ради цели благой, христианской же по своей сути – могла возникнуть в сознании Алёши, что даже он мог поддаться соблазну «заблуждений, сомнений и отрицаний». Он, совершенно очевидно, не преступник по природе своей, но мир устроен настолько несправедливо и абсурдно, что в нём самый гуманный человек из гуманных же соображений может прийти к идее убийства, не увидев другого реального пути к цели.

Возвращаясь к рассказу «Смерть русского помещика», отметим, что в нём Шерлок Холмс, доказывая способность Алёши Карамазова на убийство, обращается к одному из важнейших моментов романа «Братья Карамазовы». Это эпизод из главы «Бунт», в котором Иван рассказывает младшему брату о помещике, затравившем ребёнка собаками. Это образ, воплощающий в себе зло, торжествующее, безнаказанное, оскорбляющее нравственное чувство любого нормального человека. Аналогия ему – образ Лужина, который мог своей клеветой погубить Сонечку, а вместе с ней и Катерину Ивановну с

детьми. В «Преступлении и наказании» Раскольников предлагает Соне представить, что от неё зависит, кому жить на этом свете: Лужину или её близким. Точно так же в «Братьях Карамазовых» Иван ставит перед Алёшей вопрос: что бы он решил, если бы от него зависела судьба жестокого помещика. Сонечка это страшное искушение преодолевает – отказывается быть «судьёй», решать судьбу другого человека, а Алёша чисто эмоционально поддаётся искушению и говорит: *Расстрелять!*

В рассказе «Смерть русского помещика» Шерлок Холмс, при всём отсутствии у него склонности к филологическим штудиям, акцентирует внимание на важном штрихе к характеру Алёши, правда, делая из этого неоправданно прямолинейный вывод о способности этого героя решить судьбу другого человека, из чего для него вытекает и возможность убийства Фёдора Павловича именно младшим сыном. Не стоит, однако, забывать о том, что за взволнованно произнесённым Алёшей «приговором» тут же следует шаг назад: *Я сказал нелепость*. Этот момент, на наш взгляд, абсолютно верно истолковал Б. Тихомиров в своём выступлении на круглом столе «Эсхатологическая концепция Достоевского»: «Есть трагедийные ситуации, когда для истинного христианина **нельзя не убить**, но нет ситуаций, в которых истинному христианину **можно убить**. Вот такая трагическая апория! Алёшина непосредственная реакция «Расстрелять!» соответствует первой посылке – «нельзя не убить», а его попятное движение «Я сказал нелепость» как раз соответствует тому, что нет ситуаций, когда для христианина можно убить» [16]. Это действительно живое противоречие, очень убедительно воплощённое художественно. И всё же, когда проходит первое потрясение, Алёша преодолевает эмоции и признаёт **нелепость решения победить зло с помощью насилия**. А в «Преступлении и наказании» к тому же интуитивно приходит Раскольников. Вспомним его второй сон: чем сильнее он ударяет топором процентщицу (символ зла, процветающего в обществе), тем громче она смеётся над ним (зло не исчезает, а, наоборот, торжествует благодаря насилию).

Итак, имеет ли под собой основания версия Шерлока Холмса? Было бы опрометчиво игнорировать её вовсе, поскольку она затрагивает концептуальный момент в романе «Братья Карамазовы»; именно его, по всей видимости, экстраполировал сам Достоевский, размышляя о продолжении произведения. Но всё же в конечном итоге она бесперспективна, если соотнести

её с реальным характером героя и его мировоззрением, каким оно показано в существующем – непродолженном – тексте романа.

Список литературы

1. Библиотека «Альдебаран» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru/author/borisov_sergei (дата обращения 20.03.2011).
2. Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://IMWERDEN.DE> (дата обращения 20.03.2011).
3. Борисов С.Ю. Как я стал Конан Дойлом [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b> (дата обращения 20.03.2011).
4. Розанов В.В. О легенде «Великий инквизитор» // В сб.: О великом инквизиторе: Достоевский и следующие. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 73–184.
5. Дойл А.К. Смерть русского помещика // В кн.: Дойл А.К. Новейшие приключения Шерлока Холмса. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000. С. 269–282.
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 552 с.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 512 с.
8. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 6–65.
9. Ветловская В. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 200 с.
10. Одинокое В. Типология образов в художественной системе Достоевского. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 144 с.
11. Бэлнеп Р. Генезис «Братьев Карамазовых» / Перевод с англ. Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект, 2003. 264 с.
12. Дневник А.С. Суворина. М.-Пг., 1923. 125 с.
13. Волгин И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
14. Белов С.В. Загадка смерти Достоевского, или Алёша Карамазов – царевубийца (По поводу кн. И. Волгина «Последний год Достоевского») [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/ist/6.htm> (дата обращения 3.04.2011).
15. Соколов Б. Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе. Преступление и наказание. Идиот. Бесы. Братья Карамазовы. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 512 с.
16. Эсхатологическая концепция Достоевского. Круглый стол. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.dostoevsky-fund.ru/docs/symposium_2006_texts.pdf (дата обращения 21.11.2010).

WHO KILLED FYODOR KARMAZOV? SHERLOCK HOLMES'S VERSION

O.S. Sukhikh

We consider the story "Death of a Russian landowner" where the protagonist Sherlock Holmes suggests that Alyosha could be the murderer of the old Karamazov in Dostoevsky's novel. Although this version should be regarded as a literary game with the reader rather than a profound understanding of the novel, the conclusion is made that the author of the story raised an important problem related to the character of Alyosha and his fate.

Keywords: literary hoax, murder of the old Karamazov, Alyosha Karamazov, Raskolnikov's idea, the idea of the Grand Inquisitor, sequel to «The Brothers Karamazov».